

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ: ОБРАЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ДИСКУРСЕ ЛИДЕРОВ РЕГИОНА*

С. К. Калашникова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Статья посвящена процессам конструирования региональной идентичности. Наличие последовательной, логичной и концептуально единообразной региональной политики идентичности является основой для реализации ряда ключевых задач, необходимых для стабильного развития региона. Приведены определения таких категорий, как «идентичность», «политика идентичности», «региональная идентичность». Автор придерживается позиции социального конструктивизма, подробно останавливаясь на основных положениях данной методологии. Также в статье представлен краткий обзор эмпирических исследований по релевантной теме. Одним из популярных направлений среди отечественных ученых является анализ дискурсивных практик в контексте изучения особенностей символической политики как национального, так и регионального уровня. Анализ политической деятельности как системы коммуникации позволяет рассмотреть политику идентичности в качестве особого вида политической деятельности и, соответственно, отдельного вида политического дискурса. В практической части работы автором предпринимается попытка выявить символические основания для реконструкции образа Санкт-Петербурга и образа «мы»-сообщества с помощью дискурс-анализа публичных выступлений губернаторов региона. Автором выявлены типичные фрагменты дискурса, формирующие преемственность декларируемого образа Санкт-Петербурга и его жителей. Региональная политика идентичности в Санкт-Петербурге сталкивается со схожими для общероссийской практики проблемами: характерны колебания между «западничеством» и «почвенничеством». С одной стороны, жителям предлагается инновационный образ будущего города, во многом ориентирующийся на европейские примеры («комфорт», «высокое качество жизни»), а с другой — единственной активно используемой символической базой для объединения жителей региона остается советская риторика Дня Победы и блокадного города.

Ключевые слова: символическая политика, политика идентичности, региональная идентичность, образ региона, дискурс-анализ выступлений политиков.

Наличие последовательной, логичной и концептуально единообразной региональной политики идентичности — основа для реализации ряда ключевых задач, необходимых для стабильного развития региона. От этого зависят, во-первых, выработка эффективной стратегии взаимодействия как с другими регионами, так и с федеральными структурами власти; во-вторых, консолидация населения, формирование коллективной ответственности и гражданского

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32286.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

общества; в-третьих, позиционирование региона на государственном и международном уровнях; в-четвертых, выявление и использование уникальных преимуществ региона, определение проблемных направлений работы.

В рамках примордиализма и эссенциализма понятие «идентичность» связывается с врожденными характеристиками индивидов. Конструктивизм, в свою очередь, рассматривает проблему идентичности с абсолютно другого ракурса. По мнению социологов П. Бергера (P. Berger) и Т. Лукмана (T. Luckmann), индивиды сами конструируют социальную реальность в рамках существующей культуры, а также создают и воспроизводят модели социального взаимодействия [Бергер, Лукман, 1995]. В контексте этого подхода идентичность включена в процесс социализации. Идентичность включает в себя представления индивида о себе самом и о собственной принадлежности к различным социальным группам, опираясь как на оценочно-эмоциональные, так и на рефлексивные представления. Процессы категоризации и соотнесения тесно связаны с социальными, экономическими и политическими условиями. Следуя логике конструктивизма, можно сказать, что конструирование культурного единства группы есть смысл ее существования.

Конструктивисты в некоторой степени основывают свою теорию идентичности на структурно-функциональной интерпретации социальных ролей. Несмотря на то что в рамках структурного функционализма роли основываются на институциональном аспекте социальной системы и являются заранее заданными априорными компонентами, представители конструктивизма определяют социальные роли не только как некий набор функций, но и как поведение актора, соединяющее в себе функциональные задачи и личностные особенности. Идентичность, таким образом, может трактоваться как результат двухуровневой категоризации: индивидуальный уровень отбора категорий «для себя» и отнесение индивида «другими» к детерминированным социально-культурным общностям.

Продолжая традиции конструктивизма, современная академическая наука интерпретирует идентичность как «продукт воображения, конструируемый при помощи различного рода дискурсивных практик» [Попова, 2016, с. 158]. Кроме того, по утверждению В. С. Мартьянова, ведущая функция идентичности — упорядочивание содержания социальной реальности, в основе которого лежат механизмы разграничения и отождествления [Мартьянов, 2011, с. 36].

Конструктивистское понимание идентичности включает в себя чувство принадлежности к общности, а также добровольно разделяемые ценностные нормы и приверженность определенным процедурам. Границы региона связываются с границами «мы-сообщества» [Цумарова, 2014, с. 48], которое может быть результатом целенаправленной деятельности политических акторов в рамках проведения политики идентичности региона.

В отечественной науке категория «политика идентичности» чаще всего выступает в качестве термина, синонимичного процессам конструирования конкретной модели идентичности в интересах определенных политических акторов. Политика идентичности определяется О. Ю. Малиновой как составная часть символической политики (наряду с политикой памяти): это деятельность

политических акторов, которая осуществляется с целью продвижения «определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [Малинова, 2010, с. 9]. Таким образом, результат политики идентичности — усвоение человеком определенных стереотипов, ориентаций, паттернов восприятия, которые транслируются элитой.

В контексте данной работы необходимо коротко охарактеризовать специфику региональной идентичности. Региональная идентичность является одним из видов территориальной идентичности. Данную категорию можно определить как некую целостность общеисторического разделенного коллективного опыта и формирующихся на его основе социальных практик, ценностей, традиций, которые конструируются дискурсивно [Рабжаева, Семенов, 2002, с. 17]. Региональная идентичность формируется в контексте социального взаимодействия, а также имеет групповой и индивидуальный уровни проявления [Докучаев, 2018].

По мнению Г. И. Макаровой, в современной академической трактовке региональных идентичностей можно зафиксировать наличие двух базовых подходов: объективистского и субъективистского [Макарова, 2017, с. 85]. Первый подход связан с фокусировкой на объективно сложившейся социально-территориальной структуре и соответствующей общности жителей конкретного региона, которая формируется стихийно. Субъективистский взгляд ориентируется на целеполагание этих процессов: региональная идентичность намеренно конструируется в ходе социального взаимодействия при особой роли элит. На наш взгляд, данные модели не стоит противопоставлять друг другу, так как даже при ведущей роли политических акторов в формировании региональной идентичности исключить значимость социокультурных факторов не представляется возможным.

Важно отметить, что многие отечественные и зарубежные авторы рассматривают преимущества формирования региональной идентичности в рамках инструментального подхода: устойчивая территориальная идентичность становится базовым условием для развития региона; необходимым ресурсом, обеспечивающим «конкурентоспособность» субъекта [Назукина, 2014, с. 137]. Итальянская исследовательница Т. Банини (T. Banini) в своей работе говорит о таком понятии, как «активная территориальность» (active territoriality) [Banini, 2017, p. 18]. Т. Банини определяет данный феномен как основную цель формирования территориальной идентичности, ее имплементацию, выраженную в осознании общих ценностей сообщества как жизненно необходимых факторов воспроизводства индивидуальной и общественной жизни (наравне с биологическими и культурными составляющими). Безусловно, данный подход неразрывно связан с ролью партисипаторных практик и другими социокультурными факторами политики идентичности.

Несмотря на сложности интерпретации термина «идентичность» и его чрезмерную аналитическую перегруженность [Brubaker, Cooper, 2000], данное направление остается крайне востребованным и в рамках научного дискурса, и в контексте практико-ориентированной политической деятельности. Представляется сомнительной возможность разработки единого аналитического

инструментария для изучения идентичности [Фадеева, Семенов, 2011, с. 286], однако за последние пять лет отечественными исследователями был апробирован широкий спектр эмпирических методик в этой сфере.

Активно используется метод экспертных интервью как в политологических исследованиях [Белов, 2018; Озерова, 2018], так и в работах экономистов, акцентирующих внимание на брендинге территорий [Пашкус и др., 2016]. Предлагаемые российскими авторами критерии и факторы эффективности политики идентичности также базируются на экспертных оценках научного сообщества и на мнении представителей политических структур [Попова, 2019; Авксентьев, Аксюмов, Васильченко, 2017]. Превалирующая роль политической элиты в формировании и национальной (гражданской), и региональной идентичности подтверждается результатами этих исследований. Так, А. В. Шентякова, обобщая результаты экспертного опроса, предлагает несколько индикаторов эффективности политики идентичности, большинство из которых базируется на оценке уровня консолидации элиты: уровень сплоченности данной социальной группы, характер взаимодействия властных структур, участие формальных и неформальных лидеров в проектах по формированию идентичности [Шентякова, 2019]. Кроме того, проводятся массовые опросы жителей регионов, направленные на фиксацию и оценку общественного эффекта проводимых мер [Шульга, Медведев, 2017; Мартынов, Пуртова, 2019]. Стоит отметить еще один интересный подход эмпирических исследований в рамках изучения символической политики: комбинированные методики (метод case-study, архетипический анализ, метод дескриптивного анализа и др.) применяются для оценки предвзятых образов СССР/России (и их «соперников») в компьютерных играх [Федорченко и др., 2019; Белов, Кретова, 2020].

Особый интерес представляет потенциал применения дискурс-анализа данных для изучения политики идентичности и политики памяти. Так, в одной из последних работ М. В. Назукиной и Е. Ю. Филипповой был применен дискурс-анализ поздравительных текстов, встроенный в кроссрегиональный сравнительный анализ 20 российских республик за период с 2012 по 2019 г. [Назукина, Филиппова, 2019]. Авторы приходят к выводу, что «Дни республики», несмотря на свою связь с региональной надэтнической идентичностью, могут служить площадкой для актуализации этнического компонента со стороны представителей власти республик. По мнению исследователей, политическая практика встраивания компонентов титульной этничности в общую региональную модель этнического разнообразия обладает символическим потенциалом для консолидации сообществ национальных республик.

Ярким примером анализа дискурсивных практик в контексте изучения особенностей национальной символической политики являются недавние работы О. В. Малиновой, посвященные репрезентациям исторического опыта 1990-х годов как представителями либеральных партий, так и В. В. Путиным в контексте формирования мифов о данном периоде [Малинова, Пуртова, 2018]. По утверждению автора, мнемонические стратегии спикеров часто продиктованы практическими задачами, например необходимостью конструирования границ сообществ [Малинова, 2019, с. 95].

Анализ политической деятельности как системы коммуникации позволяет рассмотреть политику идентичности в качестве особого вида политической деятельности и, соответственно, отдельного вида политического дискурса. Один из известнейших исследователей дискурса Т.А. Ван Дейк (T. van Dijk) в своих работах не дает точного определения категории «дискурс», однако он акцентирует внимание на специфическом «сложном единстве», общем представлении о дискурсе в разных текстах. Это «единство» призвано воспроизводить конкретную идеологию восприятия, которая определяет базовые представления консолидированной социальной группы [Дейк, 2000, с. 40]. Важно отметить, что целью политического дискурса является не просто референция происходящего, а побуждение адресата к действию или создание почвы для убеждения [Боженкова, 2017, с. 260].

На наш взгляд, ключевым субъектом региональной политики идентичности в современном Российском государстве остается политическая элита, что справедливо и для федерального, и для регионального уровней. Лидеры регионов определяют политический курс и доминирующие символы политики идентичности как в рамках институциональной деятельности (например, создание, утверждение и корректирование группы документов, именуемых стратегиями развития регионов), так и в ходе своих публичных выступлений, обращений и интервью. Кроме того, в рамках традиционной персонализации политической сферы, характерной для политического сознания россиян [Фарукшин, 2016, с. 14], носителем и рупором идей для обычных горожан становится именно первое лицо региона.

В данной работе предпринимается попытка выявить базовые символические основания для реконструкции образа города и образа «мы»-сообщества с помощью дискурс-анализа публичных выступлений губернаторов Санкт-Петербурга (Г.С. Полтавченко и А.Д. Беглова) в период с 2013 (год начала разработки Стратегии развития Санкт-Петербурга до 2030 года) до 2020 г. Вслед за С. Харди (S. Hardy), в контексте данной работы под целью дискурс-анализа понимается изучение конструктивных эффектов дискурса в рамках структурированного и систематического исследования текстов [Hardy, 2001]. Кроме того, автором была поставлена задача выявить типичные фрагменты дискурса, формирующие преемственность декларируемого образа Санкт-Петербурга и специфических черт его жителей. Несмотря на то что в анализ были включены материалы, располагающиеся только на информационных ресурсах в сети Интернет, результаты исследования позволяют проследить некоторые тенденции, повторяющие стратегии описания города и петербуржцев.

В качестве источников сбора информации были использованы порталы региональных СМИ (телеканал «Санкт-Петербург», телеканал «78», информационный портал «Известия» и др.), сайт Правительства Санкт-Петербурга, официальные страницы лидеров и пресс-службы в социальных сетях. Массив текстовых данных состоял из интервью, комментариев, поздравлений, выступлений губернаторов. Формат материалов: печатные тексты в электронном формате, транскрибированные тексты видео- и аудиофайлов (в общей сложности 142 текстовых фрагмента). Критерии фильтрации и отбора данных

продиктованы задачами исследования: присутствие в цитировании слов и словосочетаний, содержащих характеристики региона и его жителей. Автором использовалось следующее программное обеспечение: программа «QDA Miner», используемая для качественных исследований; Windows-приложение «Voco» для автоматизированного стенографирования текста с последующей коррективкой.

Необходимо отметить, что чаще всего образы города и городского сообщества реконструируются в нескольких типах дискурсов лидеров: поздравительно-памятный, административно-хозяйственный, событийный, предвыборный (в наименьшей степени), что является достаточно логичным выводом, так как именно общие праздники и памятные даты обладают наибольшим потенциалом для социальной интеграции [Бурдые, 2007].

Согласно А. Ассман (A. Assmann), характерной чертой коллективной памяти является наличие символической опоры. Базовые символы прошлого обеспечивают «императивную общность» для настоящих и будущих поколений сообщества [Ассман, 2014]. Безусловно, роль такого символа в публичных выступлениях Г. С. Полтавченко и А. Д. Беглова играет образ блокадного Ленинграда.

Благодаря оценке связанности сегментов анализируемого массива текстов нам удалось обнаружить некоторые повторяющиеся комбинации выражений, связанных с образом блокадного города. Так, упоминание Великой Отечественной войны часто идет в связке с описанием таких типичных для петербуржцев черт характера: «волевые», «сильные духом», «отзывчивые». Таким образом, одной из ключевых особенностей петербуржцев, по мнению лидеров региона, остается особая стойкость и непоколебимость: «Ленинградский-петербургский характер всегда проявляется в период испытаний» (Беглов, 2020); «Ленинградцы не дали слабину и выжили в нечеловеческих условиях, став символом смелости и мужества. Это наша история — часть нас самих, рождающая гордость за великий город и горожан» (Беглов, 2020).

Кроме того, стоит отметить, что символ блокадного города используется не только в контексте обращения к гражданам в связи с памятными датами (День Победы, День ветеранов, День снятия блокады Ленинграда). Он присутствует как в контексте освещения административно-управленческих результатов работы, так и в поздравлениях профессиональных сообществ (архитекторов, строителей, медиков, реставраторов и др.). Показательным является ответ Г. С. Полтавченко на вопрос телеведущего о перспективах открытия новых музеев в городе: «Блокада живет и сегодня. Живет в нашей памяти, в наших сердцах. Мы — потомки блокадников. Мне кажется, что внутренний и духовный трепет перед блокадой заложен на генном уровне. Мы друг друга опознаем, свой — чужой. Я считаю, что тот человек, у которого в душе этого трепета нет, он не петербуржец. Он может здесь родиться, может сюда приехать. Но если этого трепета нет, то это не петербуржец. Это у нас в генах, в крови» (Полтавченко, 2014). В свою очередь, А. Д. Беглов также использует образы блокадного города в ответах на колкие вопросы журналистов, например, об уборке снега: «Считаю, когда наступают сложные времена, люди должны объединяться, а не умывать руки со словами: “Это не мое, меня не касается”. Ленинград всегда

славился умением сплываться перед лицом трудностей... Знаете, с чего началась весна 1942 года в блокадном Ленинграде? Со звонка трамваев. Город с трудом оживал после жесточайшей зимы, нужно было объединить людей. И они, измученные, с трудом передвигавшие ноги, вышли на субботник, чтобы очистить трамвайные пути от снега, льда и грязи... А через месяц с небольшим, 15 апреля 1942-го, произошло почти невероятное: по улицам города снова поехали пассажирские трамваи» (Беглов, 2019).

Как отмечает Т. В. Евгеньева, значимую часть матрицы национально-государственной идентичности составляет образ времени [Евгеньева, 2015]. На наш взгляд, это утверждение справедливо и для региональной идентичности, особенно для «символически богатого» прошлого Санкт-Петербурга. Образ блокадного прошлого города часто используется политиками для выражения побудительных мотивов в настоящем. Об этом свидетельствует популярное среди политиков обращение к горожанам: «Дорогие ленинградцы-петербуржцы!». В рамках исследуемого дискурса автором обнаружены две группы побуждения, присутствующие в выступлениях и обращениях: «сохранять и защищать наследие прошлого», «терпеть и преодолевать сложности настоящего». Так, например, в своих обращениях к горожанам в период пандемии новой коронавирусной инфекции А. Д. Беглов сравнивает период блокады с сегодняшней ситуацией: «Мы переживаем непростое время, но Петербург всегда держался стойко. Даже в страшные блокадные годы ленинградцы сделали все, чтобы не допустить эпидемии» (Беглов, 2020); «Сегодня наш город вместе со всей страной и всем миром переживает трудности в связи с пандемией. Но опыт нашей истории говорит о том, что мы справимся с этим испытанием и выйдем на уверенный путь развития. Единство и сплоченность, ответственность за судьбу Отечества всегда занимали особое место в системе духовных ценностей нашего народа» (Беглов, 2020).

Таким образом, была обнаружена устойчивая группа повторяющихся смысловых связей в речах лидеров региона: образ Блокадного Ленинграда — стойкий и волевой характер петербуржцев — побуждение к коллективному преодолению трудностей и превратностей сегодняшнего дня. Несколько иллюстраций: «...но история города на Неве знает много примеров, когда жители сообща преодолевали любые трудности. Только вместе мы справимся» (Беглов, 2020); «В нашей памяти останется беспримерная стойкость и мужество защитников и жителей Ленинграда в годы блокады... Санкт-Петербург всегда с честью выдерживал все испытания. Никакие трудности не помешают нам продолжить работу, начатую отцами и дедами» (Беглов, 2020); «Особый дух единства и сплоченности его жители пронесли через века до сегодняшнего дня... Тяжелейшим из них стала блокада в годы Великой Отечественной войны. Но Ленинград выстоял, показав всему миру пример великой силы духа, мужества, стойкости и патриотизма» (Полтавченко, 2018).

Стоит отметить еще две группы описательных характеристик города, которые часто встречаются в речах лидеров: образ современного трудового города с опорой на промышленно-военный и научно-инновационный потенциал, а также образ историко-культурного мирового центра с акцентом на архитектурное

наследие. «Санкт-Петербург со времени своего основания был и остается городом-новатором, открытым миру, занимающим передовые позиции в экономике, науке и образовании, в сфере культуры и искусства. Мы показываем сегодня пример в развитии промышленности, привлечении инвестиций и продвижении инновационных технологий» (Полтавченко, 2017); «Санкт-Петербург сегодня вносит большой вклад в приумножение промышленного и культурного потенциала страны, повышение ее обороноспособности, продвижение инновационных технологий, реализацию крупных проектов» (Беглов, 2020). Устойчивых характеристик описания горожан в данных контекстах выявлено не было: акцент делается на «великих деятелях прошлого», а современным петербуржцам отводится роль тех, кто «сохранит и преумножит наследие» (этот же побудительный мотив был описан выше).

Что касается реконструкции образа «мы»-сообщества, кроме уже описанных качеств жителей региона, также популярны следующие категории: «талантливые», «ответственные», «активные», «неравнодушные». Их упоминание в основном связано с позиционированием Санкт-Петербурга как «города возможностей» и часто звучит в контексте молодежной политики: «Санкт-Петербург всегда притягивал людей активных, целеустремленных, творческих. Их трудом и талантом создавался тот фундамент, который позволил нашему городу стать лидером...» (Беглов, 2020); «Наше новое молодое поколение выросло ответственным, готовым прийти на помощь» (Беглов, 2020); «Сегодня здесь собрались... самые талантливые, самые активные... в Петербурге сложилась уникальная творческая атмосфера, в которой каждый может раскрыть свой талант...» (Полтавченко, 2016); «Санкт-Петербург — родина многих прогрессивных начинаний... Наш город был и остается центром притяжения талантливой молодежи... В Петербурге созданы все условия для реализации талантов, воплощения идей» (Полтавченко, 2018).

Намного реже, но встречается образ туристического города («Петербург стал лучшим туристическим направлением Европы и мира» (Полтавченко, 2016)), а также общие фразы популистской риторики («Санкт-Петербург будет не только самым умным, красивым, добрым, но еще и самый поющий город в мире!» (Полтавченко, 2016); «Помните: вы — петербуржцы. А это значит, должны быть лучшими» (Беглов, 2020)).

А. Д. Беглов в своих обращениях несколько раз акцентирует внимание на новых «собственных брендах» Санкт-Петербурга, которые являются частью технологического кластера, символом прогресса: «Еще хочу сказать, какие все-таки молодцы ИТМО и “ВКонтакте”! Олимпиада — это только маленькая часть того, что они делают для развития технологий и интернета. Это наша гордость, я уже говорил, что считаю их настоящими брендами Петербурга» (Беглов, 2019).

Отдельного внимания заслуживает группа слов и словосочетаний, которыми описывают образ будущего города: «комфортный для жизни», «социальный», «удобный для всех», «открытый», «умный». Данная риторика продиктована стратегиями развития региона (до 2030 и до 2035 гг.) и не является уникальной в контексте формирования региональной политики идентичности. Так, концепция «умного» города была описана К. Швабом в качестве одного из социально-

экономических изменений, характерных для эпохи цифровых технологий. Кроме того, здесь могут играть значительную роль интересы по вхождению региона в федеральную повестку, так как в 2017 г. начала действовать государственная программа «Цифровая экономика РФ», куда включены поддержка и развитие «умных» городов.

Таким образом, можно предположить, что региональная политика идентичности в Санкт-Петербурге сталкивается со схожими для общероссийской практики проблемами: характерны колебания между «западничеством» и «почвенничеством» [Малинова, 2015, с. 175–184.]. С одной стороны, жителям предлагается инновационный образ будущего города, во многом ориентирующийся на европейские примеры («комфорт», «высокое качество жизни»), а с другой — единственной активно используемой символической базой для объединения жителей региона остается советская риторика Дня Победы и блокадного города.

Изучение лидерского дискурса с целью реконструкции образа региона и «мы»-сообщества видится автору важным направлением в исследовании региональной политики идентичности. Однако необходимо учитывать и личностный фактор, установки политического сознания самих лидеров, влияющих на их обращения (особенно в устном формате). Как показывает исследование Х. Коллера (Х. Coller), Г. Кордеро (G. Cordero) и Дж. Ицаварена (J. M. Echavarren), проведенное с целью изучения коллективной идентичности членов испанского парламента, влияние матрицы идентичности самих политиков на принятие каких-либо политических решений часто остается недооцененным [Coller et al., 2018]. Так, преследование конкретных практико-ориентированных или даже политтехнологических целей может вступать в противоречие с собственными личными взглядами регионального лидера, а преемственность официального дискурса в нашем случае может быть связана с принадлежностью политиков к одной социально-демографической группе и схожестью условий их политической социализации.

Литература

Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Васильченко В. А. Политика идентичности в современной России: конструкция и деконструкция (экспертное мнение) // Научная мысль Кавказа. 2017. №3(91). С. 23–32.

Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.

Белов С. И., Кретьева А. А. Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования событий Великой Отечественной войны) // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2020. № 1. С. 54–63.

Белов С. И. Недостатки формирования политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2018. № 2. С. 269–277.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. 323 с.

Боженкова Н. А., Боженкова Р. К., Боженкова А. М. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений // Русистика. 2017. № 3. С. 255–284.

Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства: сборник статей. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2007. С. 87–96.

Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

Докучаев Д. С. Региональная идентичность в Ивановской области: конкурирующие дискурсы в политике конструирования образа территории // Дискурс-Пи. 2018. № 3–4. С. 173–182.

Евгеньева Т. В. Образно-символические репрезентации советского прошлого в современной российской политике // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. № 3. С. 16–31.

Макарова Г. И. Взгляд на региональную идентичность: к программе социологического исследования // Вестник КИГИ РАН. 2017. № 1. С. 84–94.

Малинова О. Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. С. 5–28.

Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

Малинова О. Ю. Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг. // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. № 3. С. 91–105.

Малинова О. Ю., Пуртова В. С. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. С. 53–84.

Мартынов М. Ю., Пуртова В. С. Ценности патриотизма и формирование гражданской идентичности (по материалам социологического опроса в Югре) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. №1. С. 14–19.

Мартьянов В. С. Конфликт идентичностей в политическом проекте модерна: мультикультурализм или ассимиляция? // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 36–42.

Назукина М. В. Новые тенденции в политике идентичности на региональном уровне в России: акторы, специфика, тренды // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. № 3. С. 137–150.

Назукина М. В., Филиппова Е. Ю. Поздравительный дискурс «дня республики» как компонент региональной политики идентичности: этничность имеет значение? // ARS ADMINISTRANDI. 2019. № 3. С. 345–359.

Озерова К. А. Наследие Волжской Булгарии и региональная идентичность: политика памяти и «изобретение» традиций // ИСОМ. 2018. Т. 10. № 2/2. С. 127–132.

Пашкус В. Ю., Пашкус Н. А., Пашкус М. В. Создание сильного культурного бренда Санкт-Петербурга: прорывное позиционирование и подходы к оценке // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 4(427). С. 19–30.

Попова О. В. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. № 4. С. 74–91.

Попова О. В. Эффективность политики идентичности современного полиэтничного государства // Политическое пространство и социальное время: сборник материалов конференции. Симферополь: ИТ «Ариал», 2016. С. 157–160.

Рабжаева М. В., Семенов В. Е. В поисках Петербургской идентичности // Свободная мысль. 2002. № 11. С. 14–21.

Фадеева Л. А., Семенов И. С. Профессиональное сообщество: опыт самоанализа и перспективы исследования идентичности // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 286–287.

Фарукшин М. Х. Российская политическая культура в российском научном дискурсе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. № 3. С. 4–25.

Федорченко С. Н., Тедиков Д. О., Теслюк К. В., Маркарян Р. А. Сетевые компьютерные игры в эпоху цифровизации: новые угрозы или потенциалы для реализации политики памяти? // Вестник МГОУ. 2019. № 3. С. 67–86.

Цумарова Е. Ю. Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия): дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2014. 157 с.

Шентякова А. В. Консолидация элит и лидерство как факторы эффективности политики идентичности (по оценкам экспертов) // Социодинамика. 2019. № 12. С. 9–17.

Шульга Е. П., Медведев В. В. Этническая идентичность студенчества: опыт этносоциологического опроса регионального университета // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 5 (50). С. 186–194.

Banini T. Proposing a theoretical framework for local territorial identities: concepts, questions and pitfalls // Territorial Identity and Development. 2017. Vol. 2, no. 2. P. 16–23.

Brubaker R., Cooper F. Beyond identity // Theory and society. 2000. Vol. 29, no. 1. P. 1–47.

Coller X., Cordero G., Echavarren J. M. National and Regional Identity // Political Power in Spain. London: Palgrave, 2018. P. 183–202.

Hardy C. Researching organizational discourse // International Studies in Management and Organization. 2001. No. 31. P. 25–17.

Калашникова Софья Константиновна — магистрант; sofyakalashnikova15@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 15 сентября 2020 г.;

рекомендована в печать: 16 октября 2020 г.

Для цитирования: Калашникова С. К. Региональная политика идентичности: образ Санкт-Петербурга в дискурсе лидеров региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020. Т. 16, № 4. С. 505–517. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.406>

REGIONAL IDENTITY POLITICS: THE IMAGE OF ST. PETERSBURG IN THE DISCOURSE OF REGIONAL LEADERS*

Sofia K. Kalashnikova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
sofyakalashnikova15@gmail.com

The article is devoted to the issues of studying the processes of constructing regional identity. The existence of a consistent, logical and conceptual uniform regional identity policy is the basis for the implementation of a number of key tasks required for the stable development of a region. Definitions of such categories as “identity”, “identity policy” and “regional identity” are provided. The author adheres to the position of social constructivism, detailing the main points of this methodology. The article also provides a brief overview of empirical research on the relevant topic. One popular trend among Russian scientists is the analysis of discursive practices in the context of studying the features of symbolic politics at both the national and regional levels. In the empirical part of the work, the author attempted to identify symbolic grounds for the reconstruction of the image of St. Petersburg and the image of the community by using discourse analysis of public speeches by the regional governors. The author identified typical fragments of discourse that form the continuity of the declared image of St. Petersburg and its inhabitants. Regional identity politics in St. Petersburg has the same problems as at the national level. On the one hand, it offers an innovative image of the city’s future that is oriented towards European values (“comfort”, “high quality of life”), and on the other hand, the authorities actively promote symbols of the Soviet past.

* The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-32286.

Keywords: symbolic politics, identity politics, regional identity, image of the region, discourse analysis of politicians' speeches.

References

Assmann A. *Long shadow of the past: memorial culture and historical politics*. Rus. Ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 323 p.

Avksent'ev V.A., Aksiumov B.V., Vasil'chenko V.A. Identity policy in modern Russia: construction and deconstruction (expert opinion). *Nauchnaia mysl' Kavkaza*, 2017, no. 3(91), pp. 23–32. (In Russian)

Banini T. Proposing a theoretical framework for local territorial identities: concepts, questions and pitfalls. *Territorial Identity and Development*, 2017, vol. 2, no.2, pp. 16–23.

Belov S.I. Shortcomings in the formation of a memory policy in Russia (results of the synthesis of expert opinions). *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*, 2018, no. 2, pp. 269–277. (In Russian)

Belov S.I., Kretova A.A. Computer games as a tool for implementation of memory policy (on the example of displaying events of the Great Patriotic war in video games). *Vestnik MGOU. Seriya: Istorii i politicheskie nauki*, 2020, no. 1, pp. 54–63. (In Russian)

Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality*. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p. (In Russian)

Bourdieu P. About symbolic power. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva: sbornik statei*. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ., St. Petersburg, Aleteia Publ., 2007, pp. 87–96. (In Russian)

Bozhenkova N.A., Bozhenkova R.K., Bozhenkova A.M. Modern political discourse: verbal exemplification of tactical and strategic preferences. *Rusistika*, 2017, no. 3, pp. 255–284. (In Russian)

Brubaker R., Cooper F. Beyond identity. *Theory and Society*, 2000, vol. 29, no. 1, pp. 1–47.

Coller X., Cordero G., Echavarren J.M. National and Regional Identity. *Political Power in Spain*. London, Palgrave, 2018, pp. 183–202.

Dijk T.A. van. *Language. Knowledge. Communication*. Blagoveshchensk, BGK im. I.A. Boduena de Kurtene Publ., 2000. 308 p. (In Russian)

Dokuchaev D.S. Regional identity in the Ivanovo region: competing discourses in the policy of designing the image of the territory. *Diskurs-Pi*, 2018, no. 3–4, pp. 173–182. (In Russian)

Evgen'eva T.V. Figurative and symbolic representation of the soviet past in contemporary politics. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2015, no. 3, pp. 16–31. (In Russian)

Fadeeva L.A., Semenenko I.S. Professional community: experience of introspection and perspectives of identity research. *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza. Sbornik statei po itogam Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* (MEMO RAN, 21–22 October 2010) Moscow, IMEMO RAN Publ., 2011, pp. 286–287. (In Russian)

Farukshin M. Kh. Russian political culture in Russian scientific discourse. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2016, no. 3, pp. 4–25. (In Russian)

Fedorchenko S.N., Tedikov D.O., Tesliuk K.V., Markarian R.A. Network computer games in the epoch of digitalization: new threats or potentials for implementing memory policies? *Vestnik MGOU*, 2019, no. 3, pp. 67–86. (In Russian)

Hardy C. Researching organizational discourse. *International Studies in Management and Organization*, 2001, no. 31, pp. 25–17.

Makarova G.I. View on regional identity: to the program of sociological research. *Vestnik KIGI RAN*, 2017, no. 1, pp. 84–94. (In Russian)

Malinova O.Iu. The construction of macro-political identity in post-Soviet Russia: a symbolic policy in the transforming public sphere. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2010, no.1, pp. 5–28. (In Russian)

Malinova O.Iu. *Current past: the symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediia Publ., 2015. 207 p. (In Russian)

Malinova O. Iu. Constructing the semantic framework of memory of the reforms of the 1990s. in the liberal discourse of the 2000s. *Iuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*, 2019, no. 3, pp. 91–105. (In Russian)

Malinova O. Iu., Purtova V. S. Justification of the Policy of the 2000s in the Discourse of V. V. Putin and the Formation of the Myth of the “Dashing Nineties”. *Politicheskaja nauka*, 2018, no. 3, pp. 53–84. (In Russian)

Martyanov V. S. Conflict of identities in the political project of Art Nouveau: multiculturalism or assimilation? *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza. Sbornik statei po itogam Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii (MEMO RAN, 21–22 October 2010)*. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2011, pp. 36–42. (In Russian)

Martynov M. Iu., Purtova V. S. Values of patriotism and the formation of civic identity (based on a sociological survey in Ugra). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologija. Politologija. Mezh-dunarodnye otnosheniia*, 2019, no. 1, pp. 14–19. (In Russian)

Nazukina M. V. New trends in identity politics at the regional level in Russia: actors, specifics, trends. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, 2014, no. 3, pp. 137–150. (In Russian)

Nazukina M. V., Filippova E. Iu. The congratulatory discourse of the “day of the republic” as a component of the regional identity policy: does ethnicity matter? *ARS ADMINISTRANDI*, 2019, no. 3, pp. 345–359. (In Russian)

Ozerova K. A. Volga Bulgaria heritage and regional identity: the politics of memory and the “invention” of tradition. *ISOM*, 2018, vol. 10, no. 2/2, pp. 127–132. (In Russian)

Pashkus V. Iu., Pashkus N. A., Pashkus M. V. Building a strong cultural brand of Saint-Petersburg in the global economy: breakthrough positioning and approaches to the assessment. *Regional'naja ekonomika: teoriia i praktika*, 2016, no. 4(427), pp. 19–30. (In Russian)

Popova O. V. Effectiveness of the identity policy of the modern multi-ethnic state. *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremia: sbornik materialov konferentsii*. Simferopol': IT «Arial», 2016, pp. 157–160. (In Russian)

Popova O. V. State identity policy as a theoretical construct and real practice: experience of expert assessments of Russian researchers. *Iuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*, 2019, no. 4, pp. 74–91. (In Russian)

Rabzhaeva M. V., Semenov V. E. In search of Petersburg identity. *Svobodnaia mysl'*, 2002, no. 11, pp. 14–21. (In Russian)

Shentiakova A. V. Consolidation of elites and leadership as factors in the effectiveness of identity policy (according to experts). *Sotsiodinamika*, 2019, no. 12, pp. 9–17. (In Russian)

Shul'ga E. P. Ethnic identity of students: experience of ethno-sociological survey of regional university. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, no. 5(50), pp. 186–194. (In Russian)

Tsumarova E. Iu. *Identity policy in the regions of Russia: theoretical and practical aspects (on the example of the Republic of Karelia)*: Thesis. St. Petersburg, 2014. 157 p. (In Russian)

Received: September 15, 2020

Accepted: October 16, 2020

For citation: Kalashnikova S. K. Regional identity politics: The image of St. Petersburg in the discourse of regional leaders. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 505–517. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.406> (In Russian)